

Журнал

2'15

ИЗБРАННОЕ:

Литература.

Рецензии и критика

**Литературно-публицистический
Журнал КЛАУЗУРА**

Журнал КЛАУЗУРА

**Избранное: Литература.
Рецензии и критика**

«Издательские решения»

КЛАУЗУРА Ж.

Избранное: Литература. Рецензии и критика / Ж. КЛАУЗУРА —
«Издательские решения»,

В этом выпуске литературно-публицистического журнала «Клаузура» собраны критические статьи и рецензии разных лет, посвященные анализу творчества как современных авторов, так и великих писателей, литераторов, чьё творчество составляет наше литературное наследие.

Содержание

В этом выпуске	6
Борис Кунин. «Великая Русская литература, где ты?»	8
Издатели	9
И что делать автору?	10
Счастливые читатели	11
Так что же литература?	12
Виктория Маминева. «Литерадура»	13
Наталия Невская. «О детской литературе»	14
Андрей Овчинников. «Визитная карточка (не механика) Гаврилова»	18
Дмитрий Лисин. «Это Мама». (ред. – о романе Александра Иличевского «Математик»)	20
Татьяна Лестева. «Постмодернизм: сатира, фантастика и положительный герой»	23
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Избранное: Литература. Рецензии и критика Журнал КЛАУЗУРА

© Журнал КЛАУЗУРА, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Литературно-публицистический журнал «КЛАУЗУРА»

Зарегистрирован в РОСКОМНАДЗОР

Рег. № Эл ФС 77 – 46276 от 24.08.2011

Рег. № ПИ № ФС 77 – 46506, от 09.09.2011

Главный редактор – Дмитрий Плынов

e-mail: text@klauzura.ru

тел. (495) 726—25—04

Адрес редакции: г. Москва, ул. Академика Королева, дом 28

В этом выпуске
Критические статьи, рецензии и обзоры,
посвященные современным авторам и литературному
наследию, собранные за несколько лет и ранее
опубликованные на страницах журнала «КЛАУЗУРА»

1. Борис Кунин. «Великая Русская литература, где ты?»
2. Виктория Маминева. «Литерадура»
3. Наталия Невская. «О детской литературе»
4. Андрей Овчинников. «Визитная карточка (не механика) Гаврилова»
5. Дмитрий Лисин. «Это Мама». (ред. – о романе Александра Иличевского «Математик»)
6. Татьяна Лестева. «Постмодернизм: сатира, фантастика и положительный герой»
7. Геннадий Муриков. «Вадим Кожинов: за и против»
8. По поводу выхода в свет посмертной книги В. Кожинова «Россия. Век XX» (М., 2008, «Алгоритм», «Эксмо»)
9. Ася Поплавская (Белоруссия). «Каждое время – лучшее»
10. О книге для подростков белорусских писателей Андрея Жвалевского и Евгении Пастернак «Время всегда хорошее».
11. Александр Фитц (Германия). «О литературе российских немцев».
12. Андрей Бикетов. «Непрочитанным провинциалам»
13. Андрей Балабуха. «Отстраненная причастность или Маленький театр Павла Алексева»
14. Дмитрий Бестолков. «„Сатанинская вера“ В. В. Маяковского: поэт в оценке Юлия Халфина»
15. Раиса Штепа. «Рай Александра Фитца»
16. Сергей Калабухин. «Трагедия Дона Руматы, или слон в посудной лавке».
17. О романе роман братьев Стругацких «Трудно быть богом»
18. Ольга Варварская. «Рассуждения о детской литературе»
19. Владимир Глинский. «Литература и действие: вечный обморок на фоне бытовых телодвижений»
20. Владимир Корнилов. «Надругалось над душой время смутное...». Литературное повествование на основе размышлений и иллюстраций из повести В. Г. Распутина «Дочь Ивана, мать Ивана»
21. Петр Алешкин. «Какие книги выбирает время?»
22. Нина Турицына. «Про писателя Михаила Андреевича Чванова»
23. Владимир Аветисян. «Пушкин в Армении»
24. Геннадий Муриков. «Некоторые мысли по поводу книги Л. Бубновой „Письменный стол“ (СПб, 2012)»
25. Дмитрий Плынов. «Попробуй повторить». О романе Сергея Дорохина «Три тысячи километров»
26. Людмила Бубнова. «Возрождение личности»
27. Николай Блохин. «У озера, или вспоминая Вадима Сергеевича...» (о писателе Вадиме Сергеевиче Чернове)
28. Валерий Кузнецов. «Кубанский прозаик Василий Вялый»
29. Анатолий Казаков. «Размышление о книге В. А. Солоухина „Время собирать камни“»

30. Вадим Виноградов. «СОЖЖЕНИЕ». (Почему Н. В. Гоголь сжег рукопись 2-ого тома «Мертвых душ»?)
31. Сергей Прохоров. «О сколько нам открытий чудных готовит просвещенья дух!»
32. Сергей Калабухин. «Демоны московских интеллигентов». О романах «Альтист Данилов» и «Аптекарь».
33. Евгений Чебакин. «Александр I ЗАВТРАшней эпохи» (Размышления о редакторе, публицисте и литераторе Александре Проханове).
34. Светлана Демченко. «Беспамятным не подают удачи...». Литературный обзор творчества Людмилы Сотниковой (Лайм)
35. Ольга Кузнецова. О романе Владимира Божбин-Феодоритова «Броуновское движение»
36. Сергей Калабухин. «По прозвищу „Классик“» (о русском прозаике Владимире Орлове)
37. Любовь Рыжкова. «Воля равновесья. Натурфилософия Н. С. Гумилева»
38. Академик Сергей АЛИХАНОВ. «ИСКУССТВО ЖИТЬ ИСКУССТВОМ». Портрет писателя на фоне его прозы
39. Виктор Брусницин. «НА СЕВЕРЕ». О книгах: Яна Жемойтелите. «Недалеко от рая» и Дмитрий Новиков. «Муха в янтаре».

Борис Кунин. «Великая Русская литература, где ты?»

Да что там уж – великая, хотя бы просто – Литература. Так даже и с маленькой буквы не сразу отыщется.

Не потому, что – нет. Есть, к счастью!

Только об этом мало кто знает.

Стоп, стоп! Я сейчас не о классиках, я – о современниках. О тех, кому признание следовало бы подарить при жизни. Потом, оно, конечно, тоже прекрасно. Для издателей. Гонорары платить не надо, да и с авторскими правами частенько... все «хорошо». Вот, кстати...

Издатели

Увы, давно уже нет таких.

Есть издательства. У которых – план, калькуляция, бюджет, отчетность, прибыль... Вот последнее слово так и хотелось написать с большой буквы. Потому что оно – главное! Определяющее сегодня все. Как отношение к тому, что издается, так и стиль общения с теми, кто это пишет.

Да, забыл еще одно понятие: конкуренция. Или – свободный рынок. Это уж как кому больше нравится. Сейчас в этом плане для издательств наступил просто «золотой век». Ибо в интернете есть free-lance.

Русского слова для этого понятия даже и подбирать не стали. А, зачем? Если литературу, в общем-то, практически свели к чтиву, то и с языком нечего церемониться. Кому он нужен сейчас, некогда великий и могучий? Какой-нибудь клерк из издательства написал бриф, на фрилансе нашли тех, кто пообещал все сделать быстро, креативненько и – главное! – недорого. Все, можно считать прибыль...

Представляете, сколько слов в предпоследнем предложении мне подчеркнула функция, ответственная в Word за правописание? А ведь все, вроде бы, написано по-русски...

Разумеется, издательство не может работать себе в убыток. Но, допустим, хотя бы 10% от прибыли можно было пускать на поиск новых талантов? Большинство издателей прошлого именно этим и занимались. В противном случае мир так никогда бы и не узнал о Бальзаке, Дюма, Гюго и многих других. Так они же сами читали, сами отделяли зерна от плевел.

Руководители же нынешних издательств... Интернет пестрит предложениями: «Издадим вашу книгу в кратчайшие сроки в шикарном оформлении и любым тиражом!». За ваши же деньги. Причем, большие.

То есть, сначала стань миллионером (желательно – долларовым), а потом уже начинай писать.

И что делать автору?

Можно «больше десяти лет своей жизни посвятить телевидению». Потом перейти на работу «пресс-секретарем в Торгово-промышленную палату. Как большинство деловых женщин, ценить семейный уют. А детективные романы писать в редкие часы досуга».

Это цитаты с последней страницы обложки многих книг Татьяны Устиновой.

Справедливости ради следует заметить, что написаны они весьма добротнo. Вполне достойным русским языком. А роман «Мой личный враг» (как и одноименный фильм) автор этих строк перечитывал (и пересматривал) уже не один раз.

И именно в этой связи возникает законный вопрос, как можно писать СТОЛЬКО (и качественно – отмечу еще раз!) в редкие часы досуга? Или издательства тех, кто читает детективы, считают... людьми второго сорта? Которые проглотят все, что им ни предложи.

Впрочем, есть ведь еще и серия «Сибирский детектив» Маргариты Южиной. Не буду здесь приводить цитаты из случайно попавшего в руки на отдыхе «шедевра» «Парад нескромных декольте». Ибо лист тут же густо покраснеет от постоянного подчеркивания незнакомых проверке правописания «русских» слов.

Нет, они – русские. Без всяких кавычек. И так говорят сейчас многие. В замусоренном дворе многоэтажки, в заплыванном пивном ларьке... Только литература здесь каким боком? Та, которая – в идеале! – должна учить и воспитывать.

Как театр начинается с вешалки, так и название рассказа, повести, романа должно отражать то, что написано после оногo. «Три мушкетера», «Горе от ума», «Витязь в тигровой шкуре», «Волкодав», «Лейна»... Но, в тексте выше упомянутого «детектива» декольте не фигурирует ни разу. Так, собственно, и героинь, которые могли бы его себе позволить, как-то не наблюдается. Да и, судя по их лексике, они-то и слова такого никогда не слышали.

Броский заголовок? Понимаю. Но, зачем же его «бросать» совершенно отдельно от текста произведения? Или я все-таки отстал в развитии? Это ведь «дамский детективный роман» из авторского цикла «Такие смешные женщины».

Простите великодушно, но, если героини Маргариты Южиной смешные, то кто же тогда ужасный?

В любом случае авторы российских детективов и не только их миллионов на этом деле, судя по всему, не заработали. В отличие, допустим, от Джоанны Кэтлин Ролинг, создательницы знаменитого Гарри Поттера. И она явно писала его не в редкие часы досуга.

Но вернемся к российским реалиям. Именно здесь родились доселе неизвестные остальному миру понятия, как «издательский проект Борис Акунин», «группа авторов, работающих под псевдонимом Евгений Сухов» и многие другие.

Да и сибирский отшельник Александр Бушков, даже работая по 36 часов в сутки, все равно не смог бы создать все то, что приписывают его перу. Один. К тому же стилистические и фактологические нестыковки многих его «сериалов» просто кричат об этом. Тем, кто умеет слышать, конечно.

Но их хотя бы издают. Что очень важно для любого автора. Всем же остальным приходится либо раскошелиться, либо довольствоваться интернетом.

Во всемирной паутине сейчас неимоверно много различных литературных сайтов. Правда, злые языки утверждают, что свободно размещенные в сети произведения периодически «берут попользоваться». И имеют на этом деле весьма солидные деньги. Что ж, и так, наверное, бывает. За всем не уследишь и соломку каждый раз не подстелешь. Но это хотя бы дает возможность читателю найти что-то действительно стоящее. Среди десятков и сотен тысяч авторов. Если повезет, конечно.

Счастливые читатели

Хочется верить, что их все еще довольно много. Находят, находят они в сети действительно литературу. И короткие рассказы, и новеллы, и произведения более крупного объема.

Не всем, разумеется, удобно часами сидеть перед монитором, но, есть электронные и аудио книги, да и принтеры с бумагой в наше время стоят не совсем уж умопомрачительные деньги.

Находят! И пишут восторженные отзывы. Ждут появления новых произведений любимых авторов. Рекомендуют своим друзьям и знакомым.

Вот только издатели (то бишь – руководители издательств) или меценаты среди них, как правило, не числятся.

А потом удивляемся, что молодежь либо ничего не читает, либо читает ТАКОЕ... Что издают, то она и читает. А, если одной из первых книг вдруг окажется «Парад нескромных декольте» или что-то аналогичное, то... Возможны варианты, как говорится.

Да и самые действительно добротно написанные детективы вряд ли что-то оставят в душе. А надо бы...

Или духовность ограничивается «обязательным» посещением храма два-три раза в году, а нравственность тем, что никого не насилуют в подворотне или ночном парке, а вызывают на дом. За деньги.

Про иные моральные категории, не говоря уже про десять заповедей, в этой связи как-то и упоминать неприлично.

Вот, чуть не забыл. Еще в сети регулярно проводятся различные литературные и иные творческие конкурсы. Для поиска новых талантов вы думаете? Нет, для очередного награждения приближенных. Правда, наиболее «честные» их устроители даже оставляют примерно процентов десять на участников со стороны. И некоторые из них иногда получают какие-то призы или дипломы.

Не главные, разумеется. Те зачастую расписаны уже на несколько лет вперед. Поименно. Чтобы никого из своих не обидеть.

«Голословные обвинения», – воскликнет кто-нибудь. Не голословные, но и не обвинения. Какой смысл? Так есть, так, похоже, и будет. К великому сожалению.

Пока все завязано на коммерции и звучных титулах вкупе с блестящими орденами, медалями и призами, ничего не изменится.

Вспомните, лауреатами каких литературных конкурсов были Достоевский и Пушкин, Дюма и Гюго, Джек Лондон и Вальтер Скотт? Так то же классики! Сейчас... А для своих современников они были просто известными, читаемыми и покупаемыми авторами.

Кстати, один из литературных сайтов провел как-то опрос среди своих читателей, попросив каждого назвать фамилии трех наиболее известных (и – любимых!) ныне живущих русских писателей. Грустная картина получилась.

Так что же литература?

А, ничего... С одной стороны, она, безусловно, есть. Вот только дойдут ли написанные сегодня действительно талантливые произведения до наших далеких потомков или затеряются в дальних закоулках интернета – большой вопрос.

С другой же... Море детективов, женских романов, низкопробных пародий на фантастику и фэнтези – как среди этой россыпи ярких стекляшек найти алмаз? И, главное, кто будет искать?

Времена Сытина, Морозова и Мамонтова, похоже, безвозвратно канули в Лету. Писатели же, за редким исключением, во все времена были людьми небогатыми. Пока не становились известными. До этого же момента им никак не обойтись без помощи и поддержки извне: меценатов, издателей, коронованных особ или благотворительных фондов.

И, пока этого не произойдет, «трое из леса» так и будут показывать лорду Сварогу «парад нескромных декольте». Или что-то еще более «крутое».

А общество без Литературы постепенно превратится... Не дай Бог – это увидеть!

Виктория Маминева. «Литерадура»

В последнее время, я редко хожу по книжным магазинам. Перечитываю любимые томики.

Недавно появился повод зайти в книжный – День рождения подруги. Да, ещё не перевелись девушки, считающие литературу лучшим подарком.

О, этот современный книжный мир! Обложки – одна другой ярче, названия – одно другого завлекательнее. Мы окунулись в чтение...

«Prrr! Поберегись! Я – волоокая стерва. Как никто другой, умею измочаливать мужские сердца и потрошить их кошельки, в обмен на моё совершенное тело»

«Сёдня в бутике потратила 4000 долларов на юбку. Потом проехала на огненно-красном „Порше“ по Москве, – решила посмотреть на лохов, чтобы поднять себе настроение. О, как это ужасно, – зарабатывать меньше 5000 долларов в месяц! До чего ничтожны эти мелкие людишки, которым никогда не бывать в Куршевеле и в Монако. Но моя депресса не прошла – ведь на вчерашней тусовке я видела тётку с сумочкой, похожей на мою»

«Мы – первое поколение, которое начало сексуальную жизнь в 14 лет. С тех пор, я коллекционирую мужиков».

Думаете, я гиперболизирую? Ага, попались, – вы давно не были в книжных магазинах!

Авторы анонсов к подобного рода книгам, выражаясь языком молодёжи, «мегажгут». Если верить им, то каждый том, ни много, ни мало, – «гениальное отражение реалий современной жизни». Полистаешь такую «литерадуру», и понимаешь, что:

1. Полстраны – родственники миллионеров, не считающие «баблосы», и сильно скучающие, поскольку, когда есть всё – жить как-то неинтересно.

2. Мужики – животные. Кто – телок, кто – баран, но, в основном, конечно, козлятушки.

3. Женщина «немного за тридцать» – ненасытные мегеры, которые имеют за спиной багаж из полсотни брошенных неофициальных мужей.

4. Молодёжь – циники и аморалы, единственная цель которых – пойти на party, достать «кокс», и поиграть в Камасутру с первым попавшимся партнёром. И неважно, какого он пола. Однополая любовь, кстати, непросто описывается, а рьяно пропагандируется.

В чём тут дело? Откуда такое засилье подобной «литерадуры», которая, в общей массе, не несёт художественной ценности? Конечно, немалую роль играет коммерческая выгода. Видимо, издатели искренне считают, что «чернуха» под грифом «реалистично» пользуется большим спросом, нежели литература, действительно достойная подобного определения. Легче идти по проторенному пути. Только достопочтенные издатели, не учли одного – к сожалению, наша страна сейчас – не самая читающая в мире. И книги берут в руки, в основном, люди образованные, интеллигентные, которым вряд ли интересны все эти «потаённые стороны человеческой гадости».

Впрочем, многие «гении» публикуются за деньги. За солидную сумму можно напечатать любую дребедень, сопроводив её анонсом «внимание, талант!». Иные дамочки уверены в том, что достойны опубликовать автобиографию: «В 5 лет меня укусила коза, и я поняла, что особенная. Мне предначертан необычный путь...», в подробностях излагая свои однообразные рабочие дни и похмельные зори.

В общем, из магазина мы с приятельницей вышли с пренеприятным осадком.

Но конец у этой истории хороший: в итоге я подарила подруге том собраний сочинений Ивана Бунина. И мы обе решили перечитать на досуге Льва Толстого.

Наталия Невская. «О детской литературе»

Человеку свойственно использовать в речи поговорки, присловья, пословицы – так удобнее, не нужно напрягаться. Это, можно сказать, словесный фастфуд, и, в общем, в нём нет ничего плохого. Кроме одного. Мы перестаём осмысливать сказанное, оно превращается в пустую формальность, или штамп. Вот, к примеру, шаблонный лозунг: «Всё лучшее – детям!» Это что лучшее? Питание? Но оно – такое, какое есть, выше головы (как говорится!) не прыгнешь. Уход? Прекрасно, когда он хороший. Но столько леденящих душу историй, СМИ не дремлют и снабжают обывателя страшилками об отцах-педофилах, мамашах-наркоманках, бабушках-убийцах. Образование? Возможно.

Но только, когда оно качественное. Потому что самообразовываться нынешние дети не умеют, и «всеми лучшим» они, увы, обязаны не книгам, а компьютеру.

Книге теперь тяжело, но тяжелее без книги ребёнку, он просто этого ещё не осознаёт.

А взрослые о книге уже забыли. Взрослые вообще забывчивы, они, например, совсем не помнят, что были сперва детьми, а потом превратились в будущее своих родителей («дети – наше будущее!») и взяли с собой во взрослую жизнь всё, что отложилось в их детской памяти. Ведь «все мы родом из детства». Даже сейчас детские книги, несмотря на повальную компьютеризацию, по-прежнему тихонько, по мере сил делают своё извечное дело – влияют на подсознание маленького читателя, обучая хорошему (или плохому).

Куда они делись, книжки моего детства? Кем зачитаны до дыр? Я не знаю. А они же были – издания «Золотой библиотеки». Я как сейчас помню: «Маленький лорд Фаунтлерой», чуть потрепанный томик, в тёмно-вишнёвой обложке, с золотым обрезом и неременной буквой «ять», придававшей ему торжественность, изящество и некую надменность.

«Леди Джен», «Маленькие женщины», «Крылья мужества» ... Как они попали к нам в дом, когда уже давным-давно должны были уйти в небытие? Этих книг надлежало не только стесняться, но и бояться, о них не следовало упоминать. А я вот помню восторг, окатывавший меня всякий раз, когда я открывала своего любимого «лорда» и входила туда, внутрь, к маленькому мальчику, не боявшемуся ни свирепого на вид деда-графа, ни такого же свирепого дога. Хорошо, что сейчас эти книги появились, правда, в мягких, дешёвых переплётах, на отвратительной бумаге, с огромным количеством ошибок. Спасибо и за это! Хотя обидно, потому что их внешняя неряшливость и непрезентабельность могут оттолкнуть незнающего. Книжные магазины ныне – нечто среднее между ярмаркой и борделем. Есть всё, на любой вкус. Издатели всерьёз полагают, что книжка, как девка с панели, должна зазывать и, главное, скорее продаваться. Поэтому в глазах рябит от изобилия кричащих, блестящих и, по большей части, безвкусных обложек. Но Андерсен говорил: «Позолота сотрётся, свиная кожа остаётся». И нам остаётся море крови, насилия, пошлости, так называемое современное чтиво.

«Опять читаешь!» – говорили мне с лёгким упрёком. Я третий год подряд не могла закончить охотника, вышиваемого крестиком на полотенце, бабушке в подарок. Так и не закончила! Зато сейчас, когда ребёнок читает, мы ходим вокруг на цыпочках и умиляемся. Потому что поняли: ни компьютер, ни TV не заменят человеку воображения.

Флобер возражал против иллюстрирования своих произведений, полагая, что это мешает читателю строить свой собственный мир с любимыми героями. Бедный Флобер! Увидел бы он хоть одним глазком наши многочисленные надругательства над литературой, называемые чудным словом «экранизация»! Да сейчас и этого нет. Мы кинулись воссоздавать на экране отечественную действительность, подчас убогую, подчас жестокую, а чтобы не было уж совсем страшно, разбавляем её сладкими сериалами в стиле «сделайте мне красиво». Так от чего всё это пошло-поехало? Может быть, от нашей советской детской литературы? Я помню не только «маленького лорда», но и одну странную книжицу, тоненькую, замурзанную, совсем малыш-

ковую, с чёрно-белыми картинками. Речь в ней шла о революции, да, да, именно о революции в «отдельно взятом» кукольном сообществе. Тряпичный клоун Яша и такая же растрёпанная, грязная кукла Акулина (судя по нынешней логике вещей, Яшина сожительница) выкидывали двух фарфоровых кукол, Зизи и Лили, из их бархатных и кружевных постелек... Чем это у них там закончилось, не помню. Наверное, тем же, чем и у нас, во взрослой России.

Чтобы противостоять всем этим «цветочкам в альбом» – «лордам», «принцессам», «серебряным конькам» и пр. в СССР спешно ковалась платформа создания идеологически выдержанной литературы «для детей и юношества». И получилось! Это сейчас термин «патриотизм» звучит как ругательство, потому что люди устали от ходульности, а тогда патриотическое воспитание являлось главной государственной задачей. И в детскую литературу ринулись истинно одарённые, равнодушные люди, уже готовые творцы. Особенно повезло детской поэзии. Я имею в виду таких корифеев как К. Чуковский и С. Маршак. Да взять хотя бы «перевёртыши» блистательного Д. Хармса! Классикой детской прозы стали произведения Гайдара, Кассиля, Катаева. Ничего плохого говорить о них не собираюсь, писатели эти по-настоящему и талантливы, и интересны. Однако есть нечто такое, что объединяло и отличало их творения от тех, далёких книг, заклеянных и подвергнутых аутодафе. Кстати, аутодафе не вымысел и не усугубление реалий. Моя учительница литературы вспоминала, как пионеркой жгла с товарищами по идее на костре книги «буржуазного содержания» – под руководством товарища Нины, под дробь барабана, и что это казалось ей увлекательнейшим занятием! Напоминает, не правда ли, сюжет Рэя Брэдбери, «451 градус по Фаренгейту»?

Впрочем, умные, точнее, предприимчивые люди во все времена умели пользоваться ситуацией или хотя бы конкретным сюжетом. В 40-е годы XX века известный драматург, которого называли «одним из зачинателей» советской драматургии, представил на суд неискушённого театрала пьесу «Машенька». Долгое время она с ошеломляющим успехом шла на многих подмостках страны, став даже любимым радиоспектаклем. В пьесе главная героиня, маленькая девочка, один к одному повторила историю оплётанного лорда Фаунтлероя, только перенесённую в наши времена. Видимо, автор пьесы, родившийся в 1904 году, всерьёз полагал, что «маленький лорд» без остатка сгорел в революционном костре, и за руку его, автора, никто не схватит – в те поры, в отличие от нынешних времён, плагиат ещё не вошёл в моду, и автор никогда не стал бы хвастать неблаговидным поступком. Но сейчас речь не о плагиате, и я вернусь к теме: так что всё-таки было в старых книгах, за что их преследовали? Стержень их, или, как сказали бы сейчас, фишка – то, что в них маленькие герой или героиня всегда преображали мир.

Мне могут возразить: и Тимур по-своему изменял действительность, воюя с плохим Квакиным, и Мальчиш-Кибальчиш сражался с буржуинами. И «мальчик из Уржума» помогал взрослым в революционных баталиях. И Павлик Морозов, как известно, тоже.

Но маленький лорд Фаунтлерой не боролся за общую, весьма расплывчатую идею.

Он вообще не боролся, а любил. Любил конкретных людей, заботясь о них и искренне желая им счастья. А от этого теплее и лучше становилось всем вокруг. Потому что отдалённая во времени и пространстве идея всеобщего благоденствия обычно чревата физической, а не литературной гибелью «отдельно взятых» личностей, нечаянно или случайно угодивших «под колесо». Вот мы и привыкли говорить о завтрашнем общем благе, жертвуя для него сегодняшним спокойствием, здоровьем, воздухом, водами... Жизнью, в конце концов! Кроме этих «глобальных» соображений, есть ещё одно, поддерживаемое детской психиатрией. Ребёнку для обретения силы и уверенности необходимо так называемое замкнутое пространство, ограждённое «родными стенами», которые всегда помогут. Подобный дом раньше звали уютным, но слово «уют» вместе с «мещанством» попало в категорию презируемых определений. «Фу, подушечки, слоники, канареечки». Фукать-то фукали, но объяснить, почему это плохо, не смог никто. Вот и дворов у современной детворы нет, а раньше были! Но постепенно исчезли.

А начали они исчезать, вместе с другими атрибутами «мещанства», как раз из советской детской литературы. Такой беспредельной неустроенностью и сиротством веет со страниц этих книг! Мне кажется, что и сами писатели ощущали подобный душевный надрыв, потому что в стройном ряду их «закалённых как сталь» произведений вдруг возникали романтические «проколы». Например, «Голубая чашка» у Гайдара, или воздушная сказка, вставленная Кассилем в повесть «Дорогие мои мальчишки», или сочное, вкусное описание одесского быта у Катаева. Даже революционно-угловатая сказка Олеши «Три толстяка» чуть сглажена образами девочки-куклы Суок и гимнаста Тибула.

Но это были редкие вольности, и в книгах, входящих в обязательный перечень школьных пособий, бесприютность воспевалась как необходимое состояние души. Может быть, по этой причине власти предрежающие нашей страны, взращённые на «обязательной литературе», так холодны к детским бедам и у нас такая армия беспризорников?!

Однако известно, что любая система лучше, чем её отсутствие. В СССР детской литературой, как и самими детьми, занимались. И по количеству педофилов на душу населения те времена в тысячи раз уступают нынешним. А затем пришла госпожа Перестройка... «Эпоха перемен» – термин, употребляемый в качестве ругательства и, как принято считать, в качестве классического китайского проклятия. Справедливости ради, следует заметить, что вся хроника страны Советов, включая нынешний период, не что иное как перманентная эпоха перемен, поскольку представляет собой этакий аппендикс, или червеобразный отросток общечеловеческой истории, который пребывал в воспалённом состоянии, начиная с 1917 года. В медицинской практике подобное положение вещей называют «продолжительной, тяжёлой болезнью». И отправится ли пациент в лучший из миров или выживет, зависит от самого пациента. Но бог с ним, с «пациентом», сам, в конце концов, кашу заварил! Но у «пациента» есть дети: поколение за поколением проходило эту порочную школу жизни, и сейчас больше всего наши победы в области перемен ударили именно по ним. Кончились бесплатные занятия музыкой и спортом, а забытое слово «кружки» ассоциируется нынче, изменив ударение, только с пивом. Исчезли бесхитростные и недорогие зимние забавы. Взамен супермены, супержвачки, супермордобои и уже ОМОН, охраняющий вход в школы и гимназии, сменивший почивших в бозе классных дам.

Низвергнутая кукла Зизи с отбитым носиком канула в Лету, реку забвения, а её место заняла Барби с великолепно развитыми формами и кучей нарядов. Не хватает лишь малюсенького шприца для кукольных наркоинъекций. А мы, в очередной раз ухитрившиеся выплеснуть с водой и ребёнком, ничего не можем противопоставить ни Барби, ни жизни в стиле «пепси». А наоборот, стараемся догнать и перегнать Америку уже не в области кукурузных реформ, а в части сексуальных свобод и достижений.

Мы столько лет пропагандировали лозунг «жалость унижает человека», забыв истинно русское правило «жалеет – значит, любит». Забыв, что красный цвет в «Бесике», русском флаге, означал в древней символике не кровь, а великодушие.

И во всей этой печальной истории одну из главенствующих ролей играет – не удивляйтесь и не возражайте – детская литература, ибо она есть, простите за высокопарность, духовная пища, а проще, то, что нечувствительно заполняет детские головы и души.

Жаждете подтверждения? Пожалуйста! Вот отрывки из серии «Золотая коллекция детского сада». Как же доставалось «Золотой библиотеке» от советских скептиков! Не только за содержание, но даже за название. «Пошлость!» – в один голос твердили скептики. А в результате у их потомков родилась «золотая коллекция», и живёт себе, поживает. Впрочем, «потомки» эти – из той самой общей «конюшни», где тусуется наша «золотая молодёжь»...

Итак. Из «Букваря», составленного одним, очень раскрученным детским пиитом:

Вот заходят гномы в дом,

*Осмотрели всё кругом
И нашли пропажу... Где?
«Г» висела на гвозде!*

А это вот из его же «Считаря»:

*10 негритят пошли купаться в море,
10 негритят резвились на просторе.
Один из них утон, ему купили гроб.
И вот вам результат:
9 негритят!
Один негритёнок пошел купаться в море,
Один негритёнок резвился на просторе.
Но не пошёл ко дну – завёл себе жену.
И вот вам результат:
10 негритят!*

А вот такая же воспитательная лирика дамы-поэтессы, из той же «коллекции»:

*Катя, Катя, Катюха
Запрягла петуха.
Петух заржал,
На базар побежал.*

*Витя-титя-карапуз
Съел у бабушки арбуз.
Бабушка ругается,
Витя отпирается:
Это, бабушка, не я,
Это – рыжая свинья!*

Ну как? Вот и получается, перефразируя известное, что «каждое поколение имеет те книги, которые заслуживает». Вдобавок «подростающее поколение» смотрит детские фильмы, сказки и мультфильмы с убийствами, взрослые фильмы с насилием и убийствами, взрослые новости с убийствами... Свою лепту в развитие наших детей вносят и рекламы, например, очень популярная не так давно, но, к счастью, уже сошедшая с экранов телевизоров: «Хлеб и Рама созданы друг для друга». Да нет же, не созданы они друг для друга! Хлеб, который «всею голова». Хлеб, который по народной традиции не следует переворачивать «вверх тор-машками» – голове такое не по вкусу. И импортный заменитель масла, заставляющий вспомнить анекдот: «уже мажется, но ещё пахнет», с именем «рама», навевающим думы о кришна-итах.

Мама мыла раму. Домылась! И мы не рабы. Ой ли? А не рабы ли мы жестокости, бездуховности, в общем, культуры, больной и потому забывшей, что основное чудо не йогурт, а горячее детское сердце, пока оно ещё, по младости ногтей, золотое!

Андрей Овчинников. «Визитная карточка (не механика) Гаврилова»

Писатель Анатолий Гаврилов хорошо известен в литературных кругах. На прозу Гаврилова отзывались: Андрей Немзер, Владимир Потапов, Андрей Василевский, Игорь Клев, Александр Касымов, Кирилл Анкудинов, Александр Михайлов и др. Его произведения включены практически во все сборники современной русской литературы, о нем упоминают учебные пособия по литературе. Рассказы Гаврилова печатали такие «толстяки» как: «Новый мир», «Знамя», «Октябрь», «Континент», «Юность», «Советская литература», «Соло», «Волга». Анатолий Гаврилов член российского ПЕН-клуба, он удостоен медали Международного биографического центра в Кембридже за творческие достижения, сведения о нем и его творчестве включены в справочные издания упомянутого центра. Гаврилов дважды номинировался на премию «Букер» и однажды на «Антибукер» – шорт-лист премии «Братья Карамазовы». В 2010 году ему присуждена премия им. Андрея Белого, в 2011 «Чеховский дар».

И все же широкому читателю Гаврилов практически не известен. Тиражи его книг, выходящих в России, в отличие от того же Запада – книги Гаврилова переводились и издавались в Германии, Италии, Финляндии, отдельные рассказы в Англии, США, Испании – ничтожны, и потому сразу становятся библиографической редкостью.

О самом писателе написано, пожалуй, больше, чем написал он сам. Новыми произведениями Гаврилов балует редко. Последняя его книга называется «Весь Гаврилов». Весь Гаврилов уместился в тонкую, малого формата книжку.

Доставщик слов – обозначает себя Гаврилов. Так же называется документальный фильм, снятый режиссером Б. Караджаевым в 2002 году, где писателю отведена главная роль. Последняя профессия Гаврилова – доставщик телеграмм. Значит и по основной своей работе он все тот же доставщик слов. Хотя основной работой для писателя, кем бы он ни работал, всегда является литература.

Проза Гаврилова, своей лаконичностью, сходна с телеграммами, которые приходилось ему разносить. У Гаврилова, по выражению Немзера, «фраза хочет стать абзацем. Абзац – новеллой». Фразы его текстов легко обращаются в цитаты.

Что же это за имя в литературе – Гаврилов, грозящее стать явлением? После просмотра фильма «Волчек», один мой знакомый воскликнул: «Да это же гавриловщина!».

Атмосфера произведений Гаврилова – кафкианская, герои – платоновские, только без мыслей в «мировых масштабах». Первый, из писателей кто приходит на ум, при прочтении гавриловской прозы, несомненно, Леонид Добычин, по мнению Виктора Ерофеева – самый недооцененный писатель нашего времени. Ощущения от гавриловской прозы – Ужас. Ужас от ничего не происходящего, от обыденности.

Писателей часто сравнивают с художниками, если применить такое сравнение к Гаврилову, то он скорее график. Внешне его герои только обведены контуром, описания внешности, как правило, отсутствуют. Автор это делает сознательно. Его герои самые обычные и заурядные люди, каких вокруг большинство, они могут быть любимы, читатель может на них «примерить» любой облик. Надо только оглядеться вокруг, и вот они – соседи по дому и коллеги на работе, попутчики и просто прохожие. После знакомства с героями Гаврилова, понятней становятся поступки окружающих.

Несмотря на абсурдность и гротескность произведений, Гаврилов в плане быта и окружающей атмосферы реалистичен до мелочей. Его мастерство поражает. Глаз художника выхватывает из общей картины, именно ту деталь, незначительную на первый взгляд, которая крас-

норечиво дает верное направление читателю домыслить действительность. Созерцательность, присущая традиционной японской культуре, отличает прозу Гаврилова.

«Изысканные слоисто-агатовые ностальгические миниатюры Анатолия Гаврилова» (Анкудинов) необычайно ритмичны. Андрей Немзер утверждает, что «настоящие стихи, настоящую прозу... не знают персонажи Гаврилова – он знает». Ему вторит Александр Касымов, говоря о «Берлинской флейте» он восклицает: «Что это? Проза? Поэзия? Музыка?»

Гаврилов певец провинции. Но мелодия его песни звучит в миноре. Так как провинция существует везде, то его произведения нашли, несмотря на вроде бы наши пресловутые национальные особенности, отклик и в европейских странах, на первый взгляд таких далеких нашему менталитету. Противопоставление центр-провинция объединяет народы, независимо от уровня их экономического развития.

Каждый новый, незнакомый человек здесь встречается насторожено. Это бывает только в забытых богом и законом местах, где человек надежду на помощь со стороны давно потерял.

«Вагоновожатая с опаской посматривала на одинокого пассажира. У нее под рукой был ломик» (Теперь я знаю, что сказать). «Незнакомец молчал, мутно смотрел в огород. – Что нужно? – спросил Николай Иванович и поднял с земли молоток» (Курица).

Не прошло мимо взора художника и отечественная любовь провинциалов к садоводству. Странная, с элементами мазохизма, любовь к земельным наделам, на которых даже малый урожай уже само по себе чудо, присуща именно провинции.

«В прошлом году я посадил пять ведер картошки, а собрал три. Она сгнила. Пролетая над Альпами, я подумал о ней. Нужно дренажировать почву» (В Италии). «Земля лопается, огород горит. Поливка огорода утром, вечером, ночью». «Огурцы кончаются, но зреют помидоры. Земля лопается. Вода бесследно исчезает в трещине». «Огород поник. В бочке с протухшей водой медленно надуваются и лопаются зеленые пузыри» (в преддверие новой жизни).

Безысходность бытия в провинции, Гаврилов протягивает дальше земной жизни. «Свезут на кладбище, где завод и свинарник, – и все, конец. А все друзья, жена, родственники – на старом кладбище, где благородство вековой зелени, мрамора, тишины... Не успел на старое, опоздал... Ни особых заслуг, ни блага... Придется тащиться на новое... Дым завода и рев голодных свиней... И этот Иисус, если он существует, вряд ли туда придет... не захочет тащиться...» (Что делать?).

Закрывая последнюю страницу, по гавриловски восклицаешь: «И это все? „И это все“, – глухо отзывается эхо пустого стакана» (Наступила весна).

Дмитрий Лисин. «Это Мама». (ред. – о романе Александра Иличевского «Математик»)

Последний роман Александра Иличевского «Математик» (ред. – *рецензия опубликована 30 июля 2011 года*) читается на одном дыхании только теми читателями, которые уже прочитали что – нибудь из предыдущих вещей писателя – лауреата. То есть тексты Иличевского обладают формирующей силой, они нравятся тем читателям, которые прошли школу романов «Перс», «Матисс», «Дом в Мещере», «Ай Петри» и при этом смогли удержаться на океанической волне его мысли, преодолели клаузуру, коллаж, мозаику и разломы по водоразделу внутренней идеи текста – ландшафта. Да что там говорить, любой рассказ из сборника «Пение известняка» способен подготовить начинающего читателя к перегрузкам крупной романной формы, потому что стиль писателя трудоёмок для восприятия даже на плоскости одной страницы. Здесь ключевое слово – стиль, ибо воспринять стиль на одной странице может только достаточно квалифицированный читатель. Можно сказать, что Иличевского читают те, кто музыку слушает дисками, а не треками. Вот до чего договорились – нет равенства, не токмо между писателями, но и между читателями. В чём же особенность Иличевского, его отличие, во – первых, от хороших писателей, небогатых стилем и идеями, и во-вторых, от хороших писателей, богатых идеями и стилем? Но, увы, это выходит за рамки нашего сообщения, а главное – эта тема неподъёмна, в смысле сизифова камня. Слов мало, а отличий одного писателя от другого бесконечно много, притом они все невыразимы, эти отличия. Каждое из подручных слов, всякие определения «уныло», «блестяще», «неизгладимо» всё равно ничего не значат, так как применимы вообще к любому писателю, а значит, выглядят неубедительно. Придётся перейти к конкретике текста, имея в виду, что «Математик», хотя и попроще написан, чем всё предыдущее, всё ж таки написан для людей с не픽сельным сознанием, по определению Алексея Иванова. «Математика» написал человек, учившийся в элитной колмогоровской физмат-школе, в интернате для чистых, ничем не разбавленных вундеркиндов, потом закончивший Физтех и десять лет кряду занимавшийся теоретической физикой в Израиле и Калифорнии – ровно до тех пор, пока не женился и не стал писателем в Москве.

Идея романа берёт свой исток в тайне рода, как почти все хорошие романы. Как-то Иличевский узнал, что его прадед, покинув жену и дочь, прибыл в порт Сан-Франциско на судне *Seyo Magu* и растворился в просторах США. В свою очередь, Сан-Франциско становится домом, чистилищем, площадкой экспериментов для героя романа. Сначала ведь надо выдернуть себя из алкоголизма, на пределе воли. Надо научиться у старого китайца «премудрости, охраняющей силу духа и ума». Потом, на пределе мысли, воскресить всех, без исключения, прадедов! – вот лозунг основателя новой науки. Назовём её топологией воскрешающих пространств инвариантной наследственности души, искусством восстановления ДНК предков. Но что такое математик – тополог Максим без города, без ландшафта золотого Запада, без самого красивого в мире моста, без обрётённого друга Барни, – бывшего наркомана,мышлёного неврастеника, помешанного на казачестве, масонах и кино, на гипнозе, фокусах и НЛП, с шальными от таланта глазами. Повторяется история «Перса», где геолог Илья не может обойтись без дружбы невероятного Хашема, считающего себя реинкарнацией Хлебникова. Они там ищут, ни много ни мало, разгадку тайны происхождения жизни. Всегда есть этот пейзаж, этот город и этот друг – вот основа топологии, структуры любого романа Иличевского. Можно назвать писателя идеалистом. Не только потому, что стиль его идеально сложен, скроен для любителей непонятного, а герои слишком идеальны и сложны. На каждой странице есть идеи, но нет абстрактной вымороченности, есть упругий сюжет, но нет никакой линейности, есть

предельная цветистость метафорики, но нет ничего лишнего. Этот роман похож на диск «Это мама» с нежной, но предельно суровой лирикой группы «Аукцион».

В результате примиряешься с излишним, совсем нереалистичным богатством личностей героев, их невиданным потенциалом. А какой хороший писатель не стремиться описать уберменша, сверхчеловека, председателя земного шара? К тому же Иличевский пытается наблюдать мысль наравне с глазами, видеть саму мысль так, как виден вон – тот камень. Чем мы видим мысль? Самой высокой и прозрачной мыслью. В каждом тексте есть вершина, идеал, – вплоть до попытки понять устройство Вселенной.

В «Математике» есть вставной сценарий фильма, написанный забывшим математику героем, про легендарных альпинистов братьев Абалаковых. Это чтение внутри чтения создаёт особую оптику понимания через контрастное сравнение судьбы, характеров разных поколений покорителей вершин. В «Персе» перевоплотилось время Хлебникова, теперь Максим и Барни, тандем «Математика», повторяют восхождение братьев Абалаковых на неприступный Хан – Тенгри в Тянь – Шане. К покорению чего на самом деле стремятся герои повествования и где сходятся водоразделы мысли?

Итак, Максим Покровский, гениальный математик тридцати шести лет, прибывает в Пекин на чествование самого себя, лауреата главной математической премии Филдса. Как тут не вспомнить Перельмана. Но герой Иличевского вовсе не отказывается от премии и денег, он отказывается от всего остального, от науки, жены, дочери, мира, самого себя. Так на него подействовало видение огромного скорбящего женского лица, увиденного на склоне тибетской горы, при перелёте к Пекину. К тому же он пьёт, он запойный бомж – забулдыга, так что на самом деле его лишает дома и последних математических мыслей древнегреческая красавица, полнобёдрая широкоглазая грация – жена, у которой «случайно вынутая из генной библиотеки последовательность кода отмотала в фенотипе назад три тысячелетия». Здесь и завязка романа, ведь герой начинает свою битву за счастье человеческого рода именно с обдумывания путей и судьбы этого самого генетического кода, повелителя фенотипа и самой смерти. После отклеивания от привычно непрерывной математической работы мысли, после грандиозного запоя и потери семьи, Максим вдруг обнаружил в себе новый всепоглощающий интерес – воскресить всех умерших людей.

Конечно, как суперматематик, он думал об этой жгучей проблеме совсем не так, как его предшественник в разработке этой идеи, реальный Николай Фёдоров, пламенный философ воскресения как общего дела. «Как ни глубоки причины смертности, – говорит Фёдоров, – смертность не изначальна, она не представляет безусловной необходимости: слепая сила, в зависимости от которой находится разумное существо, сама может быть управляема разумом». Но как? Фёдоров, прежде всего, защищает саму идею «имманентного воскрешения»: после искупительного подвига Спасителя этот путь не только открыт перед нами, но он есть наш долг – «заповедь нам, Божественное веление». Фёдоров ставит даже вопрос: «как понять, что за воскресением Христа не последовало воскресение всех?» и видит причину этого в том, что христиане склонились к чисто трансцендентному пониманию воскресения, то есть без активного соучастия людей.

Иличевский же, через своего героя доносит нам своё видение проблемы воскрешения, без всякого сомнения, являющейся главным и вечно – модным трендом мировой науки, в которой нынче, по мнению автора, возможно ставить такие задачи. Но, в отличие Фёдорова, герой романа обходится без привычного Христа Спасителя, уповая на будущую науку, имеющую дело с великой таинственной ДНК, которую автор вместе со своим героем, вместе со всеми академиями наук, склонен обожествлять, – и науку и ДНК. Однако герой пытается помыслить и такие предельные понятия, какие нынешние богословы оставили средневековой экзегезе. Как же можно омолодиться, тем паче воскресить предков без понимания, что «математика,

принадлежа вершинам Неживого, являлась ближайшим атрибутом Бога, а усилия в математическом преобладании были способом, с помощью которого Живое обращалось к Неживому». Герой романа, как и сам Иличевский, как и весь мир «находятся на пороге кардинального изменения научной парадигмы, в строение которой теперь будут включены структуры, обусловленные устройством человеческого мозга», Максим «находился в состоянии удивления и предвосхищения нового, невиданного способа мыслить». Чтобы помыслить об устройстве Вселенной, следует узнать о природе собственного мышления, поэтому математика есть теология. «Математические объекты – не абстракция, не симуляция, а самые что ни на есть живые сущности, служебные ангелы мышления». Здесь Иличевский вполне солидарен с нашими лучшими философами – с Флоренским, Лосевым, Мамардашвили, Бибихиным, Пятигорским.

И здесь, как и в романе «Перс», и в каждом рассказе, вступает наиважнейшее для Иличевского и всех его героев. Наиважнейшее – это сны и ландшафт. Математик на пути немощей тела и соблазнов мысли, на пути разочарования во всём, на пути спуска в ад забывания матери, на пути восхождения на гору Хан – Тенгри, взбирается к поразительному открытию. Это невозможное, невыносимое, но самое простое открытие в жизни любого человека. Невиданный способ мысли снился Максиму в виде гористого ландшафта, где склоны, лощины, плато, лесистые долины и ущелья, – образовывали идеи, напряжения мыслительных полей. Но в момент восхождения все водоразделы мысли, чувства, невыносимые воспоминания сошлись на образе горы – матери. Вне протяжения жило Лицо.

Оказывается, сложнее всего на свете герою – космополиту, жильцу вершин было приехать в Долгопрудный, к матери – алкоголичке, чтобы дверь она открыла трезвая, с ясным старческим лицом, не сразу узнав сына – и испугалась, и заплакала. Приехать, чтобы утром, открыв глаза, потянуться к матери, стать меньше ростом и поместиться на её коленях.

Татьяна Лестева. «Постмодернизм: сатира, фантастика и положительный герой»

Виктора Пелевина знают все в кругах литературной и околосредовой интеллигенции, но знают преимущественно понаслышке. В лучшем случае кто-то что-то когда-то прочитал или услышал, а в основном... На творческом вечере Бориса Орлова, когда я пригласила всех на презентацию журнала «Аврора», с гордостью сообщив, что там будет опубликовано его эссе «Имена олигархов на карте родины» один из присутствующих добродетельно скучных поэтов из технарей Олег Юрков, решив блеснуть эрудицией, спросил: «А мат там есть?». И получив отрицательный ответ, громко объявил, что «тогда и читать незачем». Вот одна из распространённых точек зрения – певец ненормативной лексики. Андрей Константинов, председатель Союза журналиста, создатель Агентства журналистских расследований и писатель, на встрече с читателями в «Книжной лавке писателей» на мой вопрос о Пелевине и Акуnine, основных современных авторах, переведённых на многие иностранные языки, вспомнил «Чапаева и пустоту» и весьма дипломатично ушёл от ответа на вопрос о соотношении этих писателей, доступных зарубежному читателю. Он сказал, что романы Пелевина его не устраивают «отсутствием положительного героя».

Вот ещё один взгляд: воспитанный на классической литературе XIX – XX веков читатель жаждет видеть положительного героя, а не только «чернуху». Что же касается творческой молодёжи, обивающей пороги различных писательских союзов и многочисленных ЛИТО, то они просто никого, кроме участников своей тусовки, не читают, следуя бородатому анекдоту, что «чукча не читатель, чукча – писатель!». Нет, конечно, есть фанаты Пелевина, его новые книги я видела на полках даже районных библиотек в Псковской, Липецкой, Воронежской областях, не говоря уже о центральных городских библиотеках и книжных магазинах. Приведённые примеры – это взгляд читателя или писателей, далёких от современных вершин литературы. Но и те, кто номинируются зачастую вместе с ним на различные престижные премии, отнюдь не единодушны в оценке его творчества. Вот, например, точка зрения Германа Садулаева, так сказать коллеги – конкурента:

«Пелевин талантлив, даже гениален. Он мастер, лучший из мастеров; как правильно заметил в отношении его прозы Виктор Топоров, настоящее мастерство – когда мастерства не видно. (курсив мой – Т.Л.) Возможно, Пелевин действительно самый лучший из русских беллетристов. Давайте и определим его на эту полку.

Потому что наш самый влиятельный интеллект – не учитель и не мудрец.

Он шут. (...)

Шут нужен и при дворе, и в обществе. Но если шут становится в государстве самым влиятельным интеллектуалом – значит, в государстве и в обществе беда. Понятие интеллектуального водительства извращено. (...)

Пелевин – не «попса». Попса не претендует на метафизические основы, она остаётся целиком в вульгарности. Именно поэтому вся попса снизу-вверх с глубоким уважением смотрит на Виктора Олеговича – он может такое, что им не доступно. Он их «гуру». (Если шут может быть учителем, то только учителем шутов и шутовства).

Я знаю, что рассуждать о коллеге-писателе, тем более критиковать его, а ещё, если он в отличие от тебя успешен и признан, – моветон. Каждый волен подумать и произнести известную формулу а-ля Ксения Собчак: тот, кто не любит Пелевина – просто ему завидует. (курсив мой – Т.Л.). (Герман Садулаев «Флейта для крысолова».) Я сознательно оборвала цитату из «Флейты...» на точке зрения Ксении Собчак: многовековая история лисы и зелёного винограда сохраняет актуальность и в XXI веке.

Что же касается профессиональной критики, преимущественно петербургской (не будем вспоминать А. Немзера всуе), то она, в отличие от воззрений читательско-писательской массы, скорее единодушна от процитированного Г. Садулаевым Виктора Топорова до Геннадия Мурикова:

«Пелевин принадлежит к числу тех писателей, которые ясно и отчётливо сказали «нет» не только идеологическим установкам советского времени, но и внедряемой сегодня псевдоидеологии потребительского общества, которая должна быть прикрыта «новоязом» якобы обновлённого православия. (...)»

Многочисленные авторы «ЛГ» и многих других периодических изданий буквально захлёбываются от ярости, когда находят у Пелевина не только грубоватые слова и выражения, но и прямое брезгливое отрицание реальности наших дней. На самом деле он и действительно отрицает эту реальность, и одновременно создаёт новый идеальный, а в чём-то и по-старомодному романтический мир (это началось ещё с романа «Чапаев и пустота»). Автор предлагает нам некие многозначные ориентиры, вызывающие поле или, лучше сказать, объём ассоциаций. Эти ассоциации зависят от уровня воображения и интеллекта читателя и интерпретатора, от его владения тем «языком», на который намекает Пелевин. Но это не новояз». (Г. Муриков. «Параллельные миры. XXI век», ЛУ, №1, 2011).

Резюмируя краткую выборку мнений по оценке Виктора Пелевина – «лучшего мастера прозы» и гениального «шута», которому «все завидуют», – обращу внимание на то, что в романах должен быть положительный герой, и на «брезгливое отрицание реальности наших дней».

Итак, положительный герой. На первый взгляд кажется, что в произведениях Пелевина не только нет «положительного героя», но его там не может быть по определению. Уж больно несовместимы фантастические герои и героини автора с Артуром Э.-Л. Войнич или Павкой Корчагиным Николая Островского. Но если задуматься, всмотреться поглубже...

Вспомним повесть «Затворник и шестипалый», действие которой происходит на птицефабрике, аллегорически изображающей современное общество. Здесь даже два положительных героя: Затворник – учитель и Шестипалый – ученик. В условиях неизбежной гибели всех обитателей на конвейерной ленте с последующим бесславным концом в кипящей кастрюле, на сковородке или замораживанием в пакете, Затворник не только постоянно тренирует свои руки, не будучи даже уверенным в том, что они ему пригодятся, но и передаёт свои знания ученику. Его кредо: «Нет, – ответил Затворник, – вниз – это не наш путь. (...)». И далее: «... если ты оказался в темноте и видишь хотя бы самый слабый луч света, ты должен идти к нему, вместо того чтобы рассуждать, имеет смысл – это делать или нет. Может, это действительно не имеет смысла.

Но просто сидеть в темноте не имеет смысла в любом случае».

Ассоциации не заставляют себя ждать: Уж не ленинское ли это «учиться, учиться, учиться»? Затворник передаёт свои знания и другим бройлерам (теперешним ожиревшим мещанам), призывая их поститься, так как тощий цыплёнок проживёт несколько циклов, и попадёт под нож в последнюю очередь. У них находятся последователи, некоторые отказываются от еды и питья. Но в обществе потребления... И Пелевин даёт уничтожающе сатирическую картину этого общества:

«Всегда поражался, – тихо сказал Шестипалому Затворник, – как здесь все мудро устроено. Те, кто стоит ближе к кормушке-поилке, счастливы в основном потому, что все время помнят о желающих попасть на их место. А те, кто всю жизнь ждет, когда между стоящими впереди появится щелочка, счастливы потому, что им есть на что надеяться в жизни. Это ведь и есть гармония и единство».

Вот он социальной срез современной России. Да и единство здесь упомянуто отнюдь не случайно, ассоциации весьма наглядны. А надежда на щёлочку... Почему-то вспоминаются лонг- и шорт —листы различных премий...

Не обходит вниманием автор, непревзойдённый сатирик нашего времени, и проблемы богоискательства и богостроительства, рисуя их выпукло, ярко сатирически:

«Выяснилось, что все уже давно ждали прихода мессии, потому что приближающийся решительный этап, называвшийся здесь Страшным Супом, из чего было ясно, что у здешних обитателей бывали серьезные прозрения, уже давно волновал народные умы, а духовные авторитеты настолько разъелись и обленились, что на все обращенные к ним вопросы отвечали коротким кивком в направлении неба».

Каждое слово, каждая фраза бьёт в цель. Тут и апокалиптические прозрения, и появление «мессий» всякого рода, и грядущий Страшный Суп (Для кого? Для олигархических правителей? Для русского народа он, похоже, уже наступил), и обленившиеся и разъевшиеся духовные «авторитеты». Разъяснения излишни, уж слишком очевидны аналогии.

Но вернёмся к героям повествования. В страшной борьбе, в преддверии «страшного супа» они побеждают:

«Шестипалый давно привык находиться в руках у богов (т.е. обслуживающего персонала птицефабрики.— Т.Л.). (...) ... а потом откуда-то снизу долетел сумасшедший крик Затворника:

– Шестипалый! Беги! Ключи его прямо в морду! Первый раз за все время их знакомства в голосе Затворника звучало отчаяние. И Шестипалый испугался, до такой степени испугался, что все его действия приобрели сомнамбулическую безошибочность, – он изо всех сил клюнул вышупленный на него глаз и сразу стал с невероятной скоростью бить по потной морде бога руками с обеих сторон.

Раздался рев такой силы, что Шестипалый воспринял его не как звук, а как давление на всю поверхность своего тела. Ладони бога разжались, а в следующий момент Шестипалый заметил, что находится под потолком и, ни на что не опираясь, висит в воздухе.

Обучение и тренировки не прошли даром – бройлеры взлетели и во время неравной борьбы обрели свободу. Оптимистичный финал повествования – богов можно победить! А для достижения победы и обретения свободы Виктор Пелевин приводит подробный план борьбы: стремление к свету, обучение, хождение в народ – с пропагандой своих идей, массовый протест и восстание. Где-то мы это всё проходили, не так давно. Не правда ли?

Так что с положительными героями, полагаю, у автора всё обстоит весьма благополучно. А лисичка А Хули («Священная книга оборотня», «Эксмо», М.: 2010), бессмертный оборотень – проститутка, подходит ли она под определение положительного героя, точнее героини. Да, конечно же. Она стремится познать истину, найти путь к самосовершенствованию; найдя его, вступая на этот путь, во-первых, стремится поделиться приобретенным знанием, донести его до сознания своих сестричек – лисичек. И снова забота о своём сообществе, и снова обучение.

Да и граф Т («t», «Эксмо», М., 2009), через фантастически опасные приключения идущий к истине, обретающий, наконец, познание изнанки литературной индустрии рыночного времени, вступающий на путь непримиримой борьбы с ней, – это не только положительный герой, вопреки всему, – это герой нашего времени. Победитель, отстаивший право быть Творцом.

По-видимому, тоска по положительному герою периода классической литературы и соц-реализма всё-таки стоит на повестке дня. Нет-нет, в средствах массовой информации, в частности в «Литературной России», появляются статьи (В. Шемшученко, З. Бобкова и др.), обви-

няющие современных писателей в отсутствии оптимизма, в унылом видении современной жизни России, считающих, что писатели, вскрывающие язвы пост- и перестроечного периода, так сказать пишущие «чернуху», являются аж «похоронщиками России». Не больше и не меньше! Но в этом изобилии уныния, безверия (не в смысле поклонения православному кресту, а в смысле неверия в светлое капиталистическое будущее страны), гибнущей, спивающейся русской нации современных реалистов, почвенников и «новых реалистов» именно фантастическая сатира Пелевина даёт надежду на возрождение. И обещает это возрождение сочетание в его произведениях глубокого понимания того, что происходит в обществе с указанием пути, по которому нужно идти. Странно, что этой второй ипостаси – учителя —не увидел Г. Садулаев, отметивший правду шута как правду «для внутреннего пользования». Отнюдь нет, для широких народных масс эта правда. Вот если бы они (массы) ещё бы и читали побольше и повнимательнее!

Фантастикой самого разного рода сейчас переполнены книжные прилавки. Но что это за фантастика, насколько она социальна, чему она учит молодое поколение – основного «пожирателя» фантастической и детективной литературы? Возьмём к примеру дебютный роман Тима Скоренко «RIGGERTALE Ода абсолютной жестокости» (ЗАО Изд. «Факультет», М., 2010 г.). Действие романа происходит в неизвестном мире, где люди (если персонажей можно назвать людьми) бессмертны. Вернее, они смертны до утра следующего дня после убийства. Утром они оживают, возрождаясь к той же самой жизни. И на всех страницах книги царит одно и то же – убийство, жестокость, предательство и подлость. Ни одного человеческого проявления – ни чести, ни совести, ни любви. Есть понятие «моя женщина», среди женщин- героинь есть даже некоторые родственные чувства, но и только. Всё остальное – это бессмысленная, ничем не оправданная жестокость. Главный герой первых частей романа – Риггер – теряет бессмертие, выживает в этом мире благодаря чудовищной жестокости, подлостью возвращает себе бессмертие, предает и своего хозяина, и своих соратников, с которыми жестоко расправляется, обрекая их на вечные страдания, обретает абсолютную власть на половине вселенной. А его цель – стать полновластным властителем всей вселенной. В этом романе, если это произведение композиционно можно назвать романом, поскольку действие заканчивается с концом второй части повествования, а в последующем «Послечастии» появляются, неизвестно откуда, новые персонажи, совершенно чуждые предыдущим, нет положительного героя. Главное в романе – культ абсолютной, бессмысленной жестокости, воспевание её. Роман так и назван: «Ода абсолютной жестокости». И вполне уместен вопрос, на какого же читателя рассчитано это произведение? На юного читателя общества потребления с идеологией эгоцентризма и вседозволенности, на бандитские группировки, как образец для подражания, на уголовный криминалитет? А ведь книга выпущена большим для нашего времени тиражом – 5000 экземпляров – и уже красуется на библиотечных полках.

Даже в век вседозволенности и бесцензурной свободы следовало бы сопроводить её информацией типа: «Опасно! Яд!». Но ведь это творчество дебютанта-фантаста, мало ли, какие фантазии придут в голову молодому автору: чем больше «эпатажу», тем больше тиражи.

Вот и ещё одно «знаковое» лицо современной литературы – Дмитрий Быков. Его надевавший много шума роман «ЖД» (Изд. «Прозаик», 2010 г.), называемой автором «поэмой» с расшифровкой аббревиатуры от «железной дороги» до «жидов» и «живых душ», написан в жанре «исторической фантастики». В предисловии Быков на всякий случай извиняется перед читателем. «Автор приносит свои извинения всем, чьи национальные чувства он задел. Автор не хотел возбуждать национальную рознь, а также оскорблять кого-либо в грубой или извращенной форме, как, впрочем, и в любой другой форме. (...) Но это, конечно, никого не колышет. Определенной категории читателей это неинтересно. Автор приносит свои извинения всем, чью межнациональную рознь он разжиг. (...) У меня нет определенной, обязательной

для читателя расшифровки аббревиатуры «ЖД». (...) Для себя я предпочитаю расшифровку «Живые души».

Извиняться есть за что: это «самая неpolitкорректная книга нового тысячелетия». Тут уж с автором не поспоришь. Фантазии его далеко выходят за пределы даже допустимого в фантастике, а уж идеи и прогнозы! Автор не боится (а чего бы ему и бояться при таком изложении прошлого и будущего) обратиться к еврейскому вопросу, исходя из концепции, что весь юг России, от Крыма до Ставрополя и Краснодарского — это историческая родина евреев (хазаров), а отнюдь не какой-то Израиль, подаренный им в пустыне Сталиным. При этом вводится понятие не коренного населения, а «титულიной нации», то есть: «Под коренным населением, — сразу уточнил Эверштейн, опять снимая возражение с языка собеседника, — я никоим образом не имею в виду тех, кто поселился на территории раньше всех. Уговоримся сразу, что под коренным населением мы понимаем титульную нацию, или тех, кто считает эту землю своей (выделено мной — Т.Л.)». Вряд ли следует объяснять концепцию автора по национальному вопросу, она вложена в уста Эверштейна. Коренное же население России названо им «васьками» (обратите внимание с маленькой буквой в отличие от Митьков, наверное). «Их племя, не знавшее письменности и не желавшее ничего записывать («потому что все и так есть и всегда будет — зачем же сохранять?»), жило в этих краях с незапамятных времен (...) — все было их собственностью, их заговариваемой и свободно родящей землей, на которой стояли печки-самопеки, яблони, клонящие ветки долу под тяжестью даровых плодов, и вся земля была сплошной скатертью-самобранкой, не требовавшей ухода: бери не хочу. Она кормила их вольно и щедро, без принуждения, как мать кормит сына, как корова поит телка, — и длился этот золотой век, пока не набрели на них степняки (ЖД — Т.Л.), не знавшие никаких ремесел, но умевшие столь хитро и изобретательно торговать плодами чужого труда, что вскоре все оказались их должниками». И далее следует утверждение, что «... русский народ не любит хазар», и «что вражда эта уходит корнями в столь глубокую древность». Васьки живут за кольцевой линией или в «васятниках», то есть приютах, откуда их можно брать в семьи.

Одна из героинь этой «поэмы» пятиклассница Анька просит родителей, чтобы ей взяли ваську, который «...ей нужен никак не для развлечения, а просто ему же так будет лучше — вид нескольких бездомных васек ежедневно надрывал ей сердце по дороге из дома в школу, она даже присмотрела одного, сравнительно здорового, усатого (благотворительность ее не простиралась так далеко, чтобы брать больного; для них, в конце концов, есть специальные приюты). (...) Можно из васятника, как у нее в классе называли приюты. Там выдавали уже отмытых, здоровых, вполне пристойного вида, некоторых даже с профессией (обучали в приюте, были специальные классы — им рассказывали об этом в школе, на уроке москвоведения, когда речь зашла о гуманности мэра)».

Но даже в этой неpolitкорректной «поэме» находится положительный герой. Это Анька, убегающая из дома во имя спасения своего васьки, которого она ведет в Жадруново, обетованную землю, так сказать рай васек. Прочитав семьсот с лишним страниц «исторических» фантазий Д. Быкова, в которых он обращается даже к авторитету Льва Гумилева для пущей убедительности «историчности» его концепции, мне не захотелось принимать извинений автора, а тем паче его взгляд как на историю русского народа, так и на пророчества о будущем России. Даже положительный герой, вернее героиня, в поэме не меняет дело. Надо бы тоже сопроводить этот роман знаком опасности: «Обращаться с осторожностью!».

А как обстоит дело у признанных «мэтров», стоящих на реалистических и даже неореалистических (!) позициях с положительным героем?

У меня в руках «Грех» Захара Прилепина, лауреата Нацбеста 2008 и Русского Букера, только что получившего премию Юбилейный Нацбест 2011 г... На обложке книги информация о жанре книги «Роман в рассказах». Для объективности следовало бы добавить и в стихах, поскольку стихов 24, а рассказов всего восемь, причём рассказ «Сержант» — последний рассказ

в сборнике, после стихов, к содержанию «романа» отношения не имеет. Этот так сказать эпилог – воспоминание, почти единственный по-настоящему сильный рассказ автора о событиях в Чечне, даже написан от третьего лица, в то время как герой остальных рассказов – это «Я», которого Дмитрий Быков во вступительной статье отождествляет с самим Захаром Прилепиным. Грех было бы не взглянуть на «Грех» Захара Прилепина с точки зрения положительного героя в современной России. Пьяница в рассказе «Колёса», который пил «... уже четвёртый месяц и делал это ежедневно», циничный могильщик с такими же друзьями, у которых норма была по три пол-литра на человека. В этой книге «Есть бесценные витамины (...), – написал Д. Быков в предисловии, – энергия, храбрость, радость и нежность». Ну, что касается витаминов, то вряд ли с этим можно согласиться. Уж не витаминизирует ли читателя вышибала из рассказа «Шесть сигарет и так далее». Кто же здесь положительный герой: он сам, его напарник, стриптизёрша, братва, вся эта бездуховная постперестроечная тусовка? Нет, не они. А вот жестокость – это настоящая героиня рассказа! Что же касается нежности, то, конечно, любовь героя к маленьким сыновьям (рассказ «Ничего не будет»), – это человеческое чувство. Но рассказ слащав, это просто какое-то смакование слащавости: мы с любимой, моя любимая, моя веточка, и «стареющий герой» (ему нет и тридцати) смеётся очень часто и ещё чаще улыбается «посереде улицы». Плохо верится «неореалисту», вероятно, это просто выполнение социального заказа: светлые моменты жизни на сцену! Хватит похоронных настроений! А если вспомнить, что не так давно был «год семьи», то всё становится на свои места. В год семьи и пьяница с вышибалой в одном лице вдруг становятся идеалами сентиментальности. Прямо пастораль какая-то!

Извращены и дружеские чувства (рассказ «Карлсон»), не говоря уже о втором типе «героя нашего времени» – «трогательном» болезненно толстом человеке с «незажившими детски угрями на лице». Пару слов о стихах, то есть о том же, но иными словами (этот раздел так и назван в «романе» «Иными словами»). В них автор забывает о своей ипостаси реалиста с приставкой нео- и следует всем канонам постмодернизма. Даже верстальщик, то ли ища оригинальности, то ли с целью увеличить объём книги, не жалея вырубаемых лесов, располагает стихи в нижней трети страницы так, чтобы даже короткие стихи переходили на следующую страницу. Не обсуждая их в деталях, отмечу всё же, что и в них, как и в прозе: и тоже самое «Я» («...я не встал и остался лежать уже леденя/ и корявого меня втащили в кузов...“ или „Как ногти вырастают после смерти/, вот также чувство мое к вам, со всею подноготной грязью,/ по истеченьи срока жизни, движенья своего не остановит.) до банально слащавых соблазнительных ножек, привидившихся во сне труп: «...ты/ в одиночестве танцующая вальс/ на холме/ твои ножки так соблазнительны// самый светлый сон мне приснился...» (сохранена пунктуация автора – Т.Л.).

Не обсуждая детали постмодернистских развлечений автора над поэзией, просто процитирую фрагмент из сатирического стихотворения Андрея Мартынова (Стихи ру) «Хочешь прослыть современным поэтом?»:

(...) Жизнь ведь уныла, однообразна,

скучна, как тарелка вчерашних щей,
ну так раскрась её струйкой маразма,

из головы твоей вытекающей. (...)

То ли дело такие строчья:

«В небе, будто бы... в тумане,

как туалетной бумаги ключья,
ветер трусы облаков дербанит.»

В общем, добавь эпатажа и мата,
это пока ещё не приелось,
ведь среди этой парочки прятать
удобно авторской мысли серость.

Ну а завистливых тварей не слушай,
критика – это злобный лай,
пару бананов засунь себе в уши
и поливай, поливай, поливай!

Если не веришь – давай замажем,
жизнь твоя будет, как мёд сладка,
может быть, станешь когда-нибудь даже
ты победителем на БЛК!

Возможно, что награда на Большом Литературном Конкурсе у поэта Захара Прилепина ещё впереди. «Грех» ему уже отпущен за сборник рассказов прегрешений во всех ипостасях: и в смачном описании «чернухи», и в ненормативной лексике, и в издёвке над русским языком под флагом новояза («Ты что такой похнюпый?» – курсив мой. – Т.Л.) и в слащавой сентиментальности.

Что же касается произведений Виктора Пелевина, то они написаны эзоповским языком, остро социальные, это острейшая сатира на все области жизни человека. Но сатира, в которой пусть не впрямую, но всегда намечен путь к свету, даже если это только луч света. Автор освещает в них общечеловеческие проблемы, свойственные не только России, но и миру в целом.

Виктор Пелевин – непревзойдённый сатирик конца XX – начала XXI века. Ему нет равных как среди отечественных современников, так и, полагаю, среди классиков, за исключением, естественно, его предшественника Михаила Булгакова с «Собачьим сердцем», «Роковыми яйцами», и др. Но и здесь не вряд ли стоит делить призовые места, следует, с моей точки зрения, остановиться на гегелевской спирали. В Пелевине поражает знание не только современной жизни страны во всех её проявлениях, но и глубокий и широкий охват проблем всего мира. Причем в любом его произведении, будь то небольшое эссе, рассказ, повесть или роман, читатель не только узрит сатиру, но, подумав, найдет и предлагаемый автором выход.

«Имена олигархов на карте родины». Наверное, комментировать отношение народных масс к понятию олигарх не следует, – оно очевидно. Проникнувшись сочувствием к этим несчастным людям, автор сначала на исторических примерах Древней Греции и Коринфа запугивает читателя «клятвой» олигарха: «Обещаю быть врагом народа и вредить ему, сколько хватит моих сил». А далее, как всегда у Пелевина, он предлагает оригинальный выход: прекратить травлю олигархов в СМИ, а наоборот внушать народу лозунг: «Народ и олигархия едины». И в детально разработанной Пелевиным «имидж-кампании» по единению олигархов и народа предлагается использовать «...названия населённых пунктов, омонимически совпадающие с фамилиями олигархов. (...) ГУСИНСКИЙ: Гусев. Гусиноозёрск, Гусь-Хрустальный, Гусятин, Гусь-Железный, Гусевский п-ов Гусиная Земля, Гусино». Все эти населённые пункты украшаются бюстами олигархов, там создаются музеи олигархов- побратимов и т. д. Одним росчерком пера автор решает проблему и создания среднего класса в России: «...известно, что олигархи, скучающие от праздности, склонны создавать гаремы, а их потомство чрезвычайно многочисленно и порой исчисляется многими сотнями. При этом в процессе наследования

происходит естественное дробление собственности. Если на протяжении двух или трёх поколений подобная скорость размножения олигархов будет предписана юридическим императивом (...) в стране естественным образом возникнет средний класс...». Наподобие Саудовской Аравии сегодняшнего дня. И далее следует прямо-таки цитата из социальных программ всевозможных либерально-демократических партий о том, что «...средний класс только и способен стать основой подлинной общественной стабильности». Блестящая, сатирическая издевка над проблемами олигархической власти страны. Не правда ли?

Впрочем, что касается «высшего», так сказать общества, то Пелевин идёт дальше, давая ему уничтожающую характеристику, ярко образную и надолго запоминающуюся. Так, лисичка А Хули («Священная книга оборотня») проникла в самую суть этого общества. «Элита здесь делится на две ветви, которые называют „хуй сосаети“ (искаженное „high society“ [1]) и „аппарат“ (искаженное „upper rat“ [2]). „Хуй сосаети“ – это бизнес-коммьюнити, пресмыкающееся перед властью, способной закрыть любой бизнес в любой момент, поскольку бизнес здесь неотделим от воровства. А „аппарат“ – это власть, которая кормится откатом, получаемым с бизнеса. Выходит, что первые дают воровать вторым за то, что вторые дают воровать первым (Выделено мной. – Т.Л.). Только подумай о людях, сумевших построиться в это завораживающее каре среди чистого поля. При этом четкой границы между двумя ветвями власти нет – одна плавно перетекает в другую, образуя огромную жирную крысу, поглощенную жадным самообслуживанием. Неужели ты захочешь крутиться вокруг этого чавкающего уробороса? Так называется алхимический символ – кусающая себя за хвост змея, – но в нашем случае здесь проглядывают скорее урологические коннотации».

Нужны ли ещё какие-либо комментарии? Картина постперестроечной России весьма наглядна и очевидна, а главное – метафора общедоступна. Когда я однажды в редакции прочитала эту цитату, ожидая эмоционального взрыва, присутствующие редактор и бизнесмен пожали плечами: дескать, что тут такого, удивительного? Это и так все знают! Знать-то знают! Но каждый ли решится сказать об этом не только вслух, с эстрады? (Михаил Задорнов, например, решается: «Президент России Медведев считает, что России не хватает рабочих. Олигархи добавляют: „И крепостных крестьян!“ Народ считает: „И революционных матросов!“»). А Пелевин идёт дальше – пишет! А что написано пером...

Не вырубись топором и его точку зрения на российские реформы, который век уже будоражащие умы просвещённой интеллигенции. В этой оценке, высказанной устами очаровательной лисички А Хули, автор категоричен:

«Реформы (...) идут здесь постоянно, сколько я себя помню. Их суть сводится к тому, чтобы из всех возможных вариантов будущего с большим опозданием выбрать самый пошлый. Каждый раз реформы начинаются с заявления, что рыба гниет с головы, затем реформаторы съедают здоровое тело, а гнилая голова плывет дальше. Поэтому все, что было гнилого при Иване Грозном, до сих пор живо, а все, что было здорового пять лет назад, уже сожрано». Трудно не согласиться с такой трактовкой того, что происходит в современной России. И этот сегодняшний день еще подчеркивается разъяснением того, что начертано на флаге аппарата: «Здесь „upper rat“ мог бы рисовать на своих знаменах не медведя, а эту рыбку голову. Хотя медведь – тоже остроумный выбор: это международный символ экономической стагнации, к тому же есть выражение „брать на лапу“». Не следует, по-видимому, проводить прямых аналогий между российским символом – медведем (это, увы! не олимпийский Мишка) и первым, если не сказать почти единственным борцом с коррупцией, но отмеченная в романе как бы мимоходом стагнация – это уже серьезно. Мне представляется, что современный застой куда круче застоя брежневских времён. Это уже раковая опухоль застоя, а что за ней...

И снова Пелевин верен себе: он не пропускает ни одного события жизни страны. Повестью «Проблемы верволка в средней полосе» он откликнулся на очередную кампанию борьбы в стране – борьбу с «оборотнями в погонах», не так давно широко обсуждавшуюся в СМИ.

Вовести же оборотнями оказываются пожилой милиционер и военный в чине полковника. Главный герой повествования – Саша, находясь в волчьей стае, узнает, что «наши» (то есть оборотни, превращающиеся в волка) – везде, даже в райкоме в подмосковном городе Коньково. Стая. Ту же тему «стаи» автор разрабатывает и в «Священной книге...», где главный герой Александр сверхооборотень – генерал ФСБ после того, как коллегам не удалось его убить после случившегося «недоразумения» возвращается на работу.

– Какие недоразумения, – простонала я (лисичка А Хули —Т.Л.), – это же система. Ты думал, системе нужны солисты? Ей нужен хрюкающий хор.

– Если надо, хрюкну хором.

Александр готов «хрюкнуть хором», – это, так сказать, метафора коллективного патриотизма советского общества. И снова автор, как бы мимоходом, но на уроках прошлого, пророчествует: «Когда товарищ генерал-полковник первый раз в новой форме на работу вышел, старейшие сотрудники всплакнули даже. Они такого с пятьдесят девятого не видели». И далее сверхооборотень – лисичка А Хули— получает предупреждение, что «... сверхооборотень может быть только один...» и нужно: «Помнить, кто здесь сверхооборотень». Тоталитаризм на пороге, – предупреждает Пелевин. Сбудется ли это пророчество и, если да, то, когда? Время покажет. *Qui vivra, verra*.

Путь к этому историческому предвидению В. Пелевин прокладывал ещё раньше в блестящей книге «Empire V» (М.: «Эксмо», 2010 г.).

«Российский старожил давно приметил вострую особенность нашего бытования: каким бы мерзотным ни казался текущий режим, следующий за ним будет таким, что заставит вспоминать предыдущий с томительной ностальгией». Вот и ностальгируют не только старейшие работники органов, но и народ. Недавний телевизионный опрос о Сталине выявил это со всей очевидностью. Впрочем, разве, может быть иначе, если, следуя остроумной метафоре писателя, народ живёт в стране, управляемой вампирами. Но это не вампиры времён графа Дракулы. Современные вампиры «перестали пить красную жидкость (кровь – Т.Л.), когда вывели человека и заставили его вырабатывать деньги.

– Все правильно, – сказала Иштар (богиня вампиров – Т.Л.). – Но мы всё равно вампиры. Поэтому уйти совсем от крови мы не можем. Иначе мы потеряем свою идентичность и корни. Что такое деньги? Это символическая кровь мира. На ней всё держится и у людей, и у нас». И, перефразируя известную формулу Маркса, Пелевин «политкорректно» (разве можно иначе в наше время? Это не Дмитрий Быков с его неполиткорректной фантастикой) создает формулу судьбы вампиров: «красная жидкость – деньги – красная жидкость».

Фантастическая сатира Пелевина не знает пределов и границ: весь эволюционный процесс передан им с яркой образностью. Великая Мышь, оказавшаяся без пищи – крови динозавров, – эволюционирует в язык, который живёт в саблезубых тиграх («Мы были страшными, прекрасными и жестокими»). Но поскольку красота несовместима с жестокостью, в среде вампиров началась «революция духа», метафорически определяемая автором как переход от «мясного животноводства к молочному». Кстати, Пелевин не был бы Пелевиным, если бы при словах «революция духа» не появился бы наивный вопрос студента-вампира Рама:

– Это как в Киеве на Майдане?

Не обойдена вниманием и проблема молодёжного движения: «Ждать, пока ростки нового пробьются через асфальт, сегодня никто не будет, потому что по асфальту ездят серьёзные люди. Ростки на спецтрассе никому не нужны. Свободолюбивые побеги, которые взломают всё на своём пути, принято сажать в специально отведённых для этого точках». Вот и появляются эти «специальные точки» от многочисленных, утверждённых правительством молодёжных программ до Высшей школы экономики при президенте России. Впрочем, не только экономики, есть ещё и многочисленные школы по созданию молодых управленцев. Правда Рама (не только вампир, но и гражданин своей страны!), задав вопрос относительно того, можно ли

верить кому-нибудь из молодых политиков, получает безапелляционный ответ: «...какие бы слова ни произносились на политической сцене, сам факт появления человека на этой сцене доказывает, что пере нами блядь и провокатор». Не правда ли, как актуально, и не только по отношению к молодым политикам. Молодёжь талантлива и гениальна: «Один недавно пятьсот мёртвых душ по ведомости провёл (...). Три раза подряд. Сначала как фашистов, потом как пидарасов, а потом как православных экологов. В общем, на кого оставить страну, найдём».

Оптимистично, не правда ли? Кстати об оптимизме и обязательном хеппи энде. Чтобы не дать задремать оптимизму у человека, вампиры, ликвидировав у него волю, даруют взамен свободу. «Это совершенно потрясающая вещь. Мы говорим ему – пасись, где захочешь! Чем больше у тебя свободы, тем больше ты произведёшь денег». А вот для самих вампиров снова пророчествует Пелевин грядут непростые времена, «потому что ни красной, ни чёрной жидкости (т.е нефти- Т.Л.) в мире на всех не хватит. И значит, скоро к нам в гости придут другие вампиры (...), кося хитрым глазом и соображая, как бы половчее отсосать наш баблос (нектар вампиров – Т.Л.). И тогда линия фронта вновь пройдёт через каждый двор и каждое сердце».

Как реалистично! Но какое страшное пророчество! Говорят, что все пророчества Виктора Пелевина сбываются через пять – семь лет. Год уже прошёл. Поживём – увидим. Если, конечно, как опасается один из вампиров, не подохнем с голоду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.